

5. Konchevskiy, A.K. (1929) *Pesni Kryma* [Songs of the Crimea]. Moscow: Muzsektor Giza.
6. Refatov, A.M. (1932) *Krymskotatarskie pesni* [Crimean Tatar Songs]. Simferopol: Krymskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.
7. Sherfedinov, Ya. (1931) *Pesni i tantsy krymskikh tatar* [Songs and Dances of the Crimean Tatars]. Moscow: Muzgiz.
8. Lomakin, D.A. (2017) “Crimea in the Onward Rush of Centuries Is a Breeding and Tempting Issue...”: Studies in Golden Horde Culture in Newspaper “Red Crimea” Coverage (1920s). *Almanakh “Prostranatvo i vremya” – Almanac Space and Time*. 14 (1). (In Russian).
9. Bocharov, S.G. & Sitnikov, A.G. (eds) (2016) *MIRAS – NASLEDIE. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoy kultury v Tatarstane i v Krymu v 1923–1929 godakh: v 3 t.* [MIRAS – HERITAGE. Tatarstan – Crimea. The city of Bolgar and the Study of Tatar Culture in Tatarstan and Crimea in 1923–1929: In 3 Vols]. Vol. 1. Aster Plus.
10. Konchevskiy, A. (1924) *Pesni Kryma* [Songs of the Crimea]. *Muzykal'naiia nov'*. 6/7.
11. Khalitova, M.I. (2018) Yagya Sherfedinov's Oeuvre in the Musical and Cultural Tradition of Crimean Tatars. *Yuzhno-Rossiyskiy muzykal'nyy al'manakh – South-Russian Musical Almanac*. 4 (33). (In Russian).

УДК 78

DOI: 10.24412/2070-075X-2020-4-43-52

Л.В. Демина

## НАРОДНАЯ ПЕСЕННАЯ ТРАДИЦИЯ ЗАПАДНОРУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В УСЛОВИЯХ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУР ПОЗДНЕГО ФОРМИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Актуальность темы обусловлена изучением малоизвестных народных песенных традиций позднего вторичного формирования, сложившихся на территории Западно-Сибирского Зауралья (юг Тюменской области). Сравнительно-исторический анализ исходных фольклорных традиций, распространенных на европейско-русской территории, дает возможность изучить их трансформацию в условиях традиционных культур поздней локализации переселенцев, проживающих более ста лет на территории Западно-Сибирского Зауралья. Музыкально-стилистический анализ и сравнение традиционных песен, записанных от переселенцев Брянской и Черниговской губерний на юге Тюменской области, помогает раскрыть специфику, типологические и региональные особенности песенной традиции, дать основные характеристики изменению и сохранению песенного творчества. Традиционная песенная культура рассматривается, с одной стороны, с точки зрения самих носителей, отражая их представления о традиции, с другой – с точки зрения исследователей.

Ключевые слова: народная песенная культура, западнорусская традиция, поздние переселенцы, фольклорные экспедиции, песенные традиции.

Для понимания специфики региональной народно-песенной культуры народной песенной культуры необходимо подходить к ее изучению комплексно. Изучение условий создания, бытования той или иной традиции помогает в реконструкции песенного материала и обогащает знания в области истории региона.

Систематическое собирание, изучение песенного фольклора на территории юга Тюменской области (граничит на юге с Курганской областью и Казахстаном, Омской областью – на востоке, Свердловской областью – на западе и Ханты-Мансийским

округом – на севере) наиболее активно осуществлялось в конце XX и начале XXI вв. За период 1986–2020 гг. участниками фольклорных экспедиций являлись создатели школы фольклора «Росстань», педагоги и студенты Тюменского колледжа искусств и позже – Тюменского государственного института культуры. Фольклорные экспедиции ежегодно выезжали в населенные пункты 26 муниципальных образований юга Тюменской области, где встречались со старожилами и переселенцами европейско-российских губерний (в народной терминологии «самоходами», «лапотней», «новоселами»). Собранный фольклорный материал обрабатывался, систематизировался педагогами, учащимися фольклорного отделения Тюменского училища искусств, студентами Тюменского государственного института культуры, участниками фольклорного ансамбля «Росстань», что позволило определить и дать характеристику региональных песенных традиций поздних переселенцев на исследуемой территории.

«Русские сибиряки – это промысловики, крестьяне, казаки, рабочие и каторжане. Значительную часть сибиряков составили старообрядцы разных толков и согласий. И, наконец, русские сибиряки – выходцы из разных территорий Европейской России, поэтому в Сибири переплелись фольклорные традиции севера и юга, Урала и Поволжья, на позднем этапе формирования культурное пространство Сибири пополнилось западно-русскими, украинскими, белорусскими традициями, явлениями чувашского, эстонского, мордовского, немецкого, молдавского фольклора. <...> В итоге современная фольклорно-этнографическая карта переселенческой Сибири приобрела совершенно мозаичный вид» [1. С. 4].

Для данного исследования выбрана локальная фольклорная песенная традиция поздних переселенцев села Лопазного Сладковского района Тюменской области (район граничит с Казахстаном на юге, Омской областью на западе, Ишимским и Абатским районами на севере, Казанским районом на западе). В селе Лопазном Сладковского района Тюменской области, где проживают поздние переселенцы XIX–XX вв. из Брянской, Черниговской губерний, участники экспедиций побывали в 1995, 2001, 2014 гг. При разговоре со старшим поколением, проживающим в селе Лопазном, зафиксированы прозвища переселенцев: «*хахлы мы*», «*тут хахлухи живут*», «*шершни*», «*новоселы прыехали*».

Собиратели фольклорных экспедиций, работающих в Сладковском районе Тюменской области, попытались выявить, как появилось название села, дублирующее название деревни прародины Лопазное (Лопазна). Старшее поколение еще помнило свою далекую прародину и слышало от своих предков историю названия и заселения села: «*...есть такой Суральский район, Брянская область, сядло Лопазно. <...> Када аттуда переехали, его стали звать Лопазное. <...> Ани шли семьями, но не все. Первые хадаки приехали, сматрели места. Ани приехали и аблюбовали поповский увал, а здесь земли были церковные, и вот атмерили им сдесь про меж Бузана и Глыбокаво вот эта место. И с начала деревню назвали на озере Бузан, но люди захатели то сваё название*» (Дубинин И.Н., 1943 г.р., ур. с. Лопазного) [2].

Информацию об особенностях заселения и названия села Лопазного Сладковского района Тюменской области удалось найти в работах местного краеведа В.Н. Малышева, где объясняется, что «официально поселок назвали Бузановский, но население настояло на переименовании его в Лопазновский в память о европейской родине. После Октябрьской революции за ним закрепилось современное название Лопазное» [3. С. 156]. Предположительно название древнего города Лопамсня может являться корневой основой названия села Брянской области (Лопазна), впоследствии и в Тюменской области (Лопазное). В первой половине XVII века Лопазна входило в Мглинский округ, в настоящее время принадлежит Суражскому району Брянской области [4].

Из рассказов местных жителей выясняется, что именно слово «*лопаз*» (берестяное лукошко для рыбы) также повлияло на название села, поскольку «рыбный» промысел считался приоритетным у населения [2]. Кроме того, В.Н. Малышев пишет о причинах переселения в Сладковскую волость черниговских крестьян: «отсутствие леса,

плохие малоплодородные земли, нищета, в буквальном смысле слова, были уделом значительной части мглинских крестьян. <...> Среди крестьян стало распространяться стремление переселиться в Сибирь. Это была отчаянная попытка бегства от нищеты. <...> Переселенческая партия прибыла к озеру Бузан летом 1896 года. В составе ее были семьи Аггея Лакиенко, Тимофея Грабаченко, Степана Дедына, Семена Гавресева, Моисея Дубинина, Тимофея Суровенко <...> Прокопия Щербенко, Гришечко, Лукьяненко, Рябисенко <...>. Среди переселенцев были и семьи бывших служилых казаков (Данилы и Андрея Юрских, Ивана Жарынина, Исаака Требенка)» [3. С. 155]. Жительница с. Лопазного, однофамилица переселенца казака, вспоминает: «Юрские были из данцких казаков. Трибенки и вот на мужу стала я. Трибенок был Исаак вот он первый населенец»<sup>1</sup> [2]. Бузановский участок приглянулся ходокам сел Лопазны и Дубровны Мглинского уезда Черниговской губернии. Села эти находились примерно на половине пути между городами Мглин и Сураж теперешней Брянской области» [3. С. 155]. «Коренное» старожильческое население нерадостно встречало переселенцев и «...кулаки соседних сел Сладково, Катайское, Дубровное жестоко эксплуатировали их, оплачивая за труд ничтожные гроши 15 копеек в день. <...> За корову, проданную переселенцу, полгода работать, а приплод получишь – отдашь» [3. С. 156]. Территориальное расположение Брянской области на границе трех государств: России, Украины (Черниговской области) и Белоруссии (Гомельской области) повлияло на формирование диалектного говора и народно-певческой традиции. Традиционная песенная культура «материкового» села Лопазна Брянской области в своей основе сохранила характерные черты архаичной западнорусской песенной традиции, существующей на территории России.

Музыкальное своеобразие песенной культуры прослеживается и у переселенцев-новоселов в с. Лопазном Сладковского района Тюменской области. Анализ песенных материалов, записанных во время фольклорно-этнографических экспедиций, выявил, что в селе Лопазном сохранились типичные черты западнорусской народно-песенной традиции, а именно: силлабическое стихосложение с упорядоченностью слогов в стихах, строгое цезурирование в них, небольшой амбитус звучания напевов, бесполутоновые ладовые звукоряды (с преобладанием трихордовых), мелизматика и множество форшлагов в мелодии, а также такие виды многоголосия, как монодийная и вариантная гетерофония. Поскольку поздние переселенцы проживали рядом со старожилами, заключая с ними браки, совместно участвуя в семейно-бытовых обрядах и календарно-обрядовых праздниках, песенная традиция переселенцев постепенно изменялась, приобретала общие и специфические черты.

Жители Сладковского района называют население села Лопазного «*хахлами*» за их отличительную лексику и нетрадиционную для этих мест речь. Особенности диалекта в селе Лопазном, повлиявшими на вокальную манеру исполнения традиционных песен, являются «*аканье*» и «*яканье*». Диалектные особенности метрополий, откуда и прибыли переселенцы в данную местность, до сих пор влияют на исполнительскую манеру песенниц. Можно отметить открытый гласный звук [а], который активно произносится исполнителями вместо безударных звуков [о] («*палатном накрыт*», «*вада бяжить*») и вместо [э] («*цвяточек*», «*ляжить*»); фрикативное [h] произносят вместо твердого звонкого [г] («*худок худит*», «*чахо надо*», «*hругом*»). А в конце глаголов вместо твердого окончания [т] звучит мягкое [ть] («*брядуть*», «*бягутъ*») [5]. Из полевых материалов последней экспедиции собиратели отметили, что вместо твердых согласных [в], [л] в окончании существительных, глаголов исполнители произносят звук [w] («*галасоу*» «*басоу*», «*взяу*»); часто в конце строки добавляют гласную «я» без изменения смысла слова («*взашилая*», «*прышла(й)а*», «*тцбья*»); мягкое произнесение звука [ч] и после него [э] («*ручэй*»); перенос ударения с начала на конец слова («*видитЕ*», «*наслушнБЕ*»); замена звука [э] на [а] после мягких согласных в конце гла-

<sup>1</sup> Требенкова В.И., 1943 г.р., ур. с. Сладково.

голов повелительного наклонения множественного числа («*дабавляйтя*», «*сачиняйтя*», «*прихадитя*»); характерны местоименные формы, например, «*тады*», «*тада*», «*куды*»; протеза: «*дженщины*» – женщины, «*вумники*» – умники; сокращение глагольных форм 3-го лица единственного числа, прием стяжения: «*не панравиши*» – не понравилось, использование кратких форм прилагательных «*она маленька*» – маленькая, «*тяжэла*» – тяжелая; замена звука [ы] на [а] в окончаниях прилагательных: «*зяленай*», «*чернай*», «*чёрнабрывай*», «*белай*» [2].

У старшего поколения народных исполнителей в с. Лопазном зафиксирована мягкая манера пения с полуприкрытым ртом, хотя, возможно, из-за возрастных особенностей петь старались они не в полный голос. Иногда от них можно услышать критические замечания в свой адрес за «неправильное» звучание песни: «*Увчара мы пели у клубе про каня, мне не панравиши (не понравилось). Ну, чей-та конь стаит белазривенький, пели, вот тянуть надо куды*» (исп. Черепкова Н.Е., 1932 г.р., ур. д. Лопазное Сладковского района) [2].

В народно-певческой традиции с. Лопазного ядром песенных жанров можно назвать обрядовые приуроченные жанры, представляющие календарные песни годового цикла и свадебные песни. Каждая песенница исполнила песни зимних святок: рождественский тропарь («*Рождество твое, Христе Боже наш*»), «*славления*» («*Пойдем, девачка, з нами гуляти*» с рефреном «*святой вечер*»), заклички-обращения к домашним животным («*Го-го-го, коза, го-го, серая*»); масленичные песни («*Масленка полизуха*», «*Масленка с полбочку*», «*Эх, масленица, кривошейка*», «*Запалили куль соломы*»); весенние заклички. К обрядово приуроченным жанрам относятся несколько весенних и летних хороводных песен («*Ой, милый забажал вады*», «*Что по травке, травке, зяленой муравке*», «*Из-за лесу-жа, лесу темного*»), которые исполняются на семицко-троицкой неделе.

В соответствии с рассказами носителей традиции в деревне до сих пор сохраняется обряд поминовения усопших на Троицу, Пасху, родительский день. Именно в поминальный родительский день (вторник следующей недели после Пасхи) пожилые женщины обходят три раза вокруг кладбища с поминальными песнями. Пришедшие на могилы своих родственников должны дожидаться окончания данного обрядового действия и только после этого начинать поминальную трапезу. До начала обхода кладбища расстилается на могиле скатерть, кладется на нее разнообразная еда – блины, конфеты, «всякая стряпня», а если остается, то и пасхальный кулич [2]. «*У нас до двенацати часоу ты не имеешь права ни сесть, ни памянуть никого*» (Дубинин И.Н., 1943 г.р., ур. с. Лопазного Сладковского района). По мере продвижения вокруг кладбища песенниц люди, прибывающие на кладбище, начинают подпевать им пасхальный тропарь «*Христос воскрес из мертвых*». После кругового обхода присутствующие начинают поминать родственников, затем убирают скатерть с продуктами с могилы и переносят на стол. «*Яичко качают (катают) по могилке. Христос Воскрес говорят, по три раза*» (Черепкова Е.Д., 1951 г.р., ур. с. Лопазного Сладковского района) [2]. К обрядовым приуроченным жанрам относятся и свадебные песни – прощальные «*девические*» («*Забряшили да колесушки на дугах*»), величальные «*хвалебные*» («*Подъезжаючи под сяло*»), корильные «*брешуть*», песни-комментарии («*Что/й по сеньякам дай по новеньким*») и «*поезжанские*», сохранившиеся в памяти исполнителей.

Сохранился пласт необрядовых приуроченных жанров – хороводных песен («*Вдоль по морю, морю синему*»), игровых и плясовых песен и жанры детского фольклора. Название хороводов происходит от места (локуса) их вождения («*лужаночные*», «*улочные*»), от движений исполнителей («*ручеек*», «*воротца*», «*круговая*»); в игровых песнях в кругу разыгрывалось содержание текста песенного сюжета, в конце песни могла звучать просьба поцеловать парня или девушку. Плясовые песни звучали на «*игрищах*», на «*вечёрках*» и исполнялись под наигрыши инструментов.

К необрядовым приуроченным жанрам, исполняющимся в весенний период, можно отнести лирические песни любовного содержания («*Ой ни спала, ни дремала*»), так-

же на отдыхе во время жатвы либо в период полевых работ («*Ни асён месяц, сасёначка просвятела*», «*Святел месячка, щей ясна заряначка*»).

Песенный пласт неприуроченных жанров включает большое количество лирических «проголосных» песен раннего слоя, в основном женских по тематике любовного и семейного содержания песен («*Запой, соловейка*», «*Ай зацвела в лузи лаза*», «*Не закукала зязюлечка рано с/ы/ полночи*», «*Что у сади-угороди расло древо у рэчки*»), а также позднего стиливого слоя женских («*Посажу я розу б/ы/лиз окна*», «*Дай мне, Господь, доли*») и мужских («*С-под белава камушка протикала рэчка*»), жесточких романсов; частушек («*мелки песни*» в виде «*семеновны*», «*страданий*», «*матани*») [6].

К сожалению, сегодня наблюдается исчезновение обрядовых приуроченных жанров. Песенный репертуар современных народных коллективов состоит из песен, разученных по сборникам в процессе репетиций в домах культуры. Исполнители поют песни современных переселенцев 70-х годов XX вв. с Украины. Исполнение «старинных» (по народной терминологии) песен сопровождается сегодня игрой на баяне, прослеживается унифицированная манера пения, специфические черты традиционного исполнения песен у новопоселенцев, зафиксированного и отмеченного ранее собирателями фольклора в селе Лопазном, исчезают [2].

Актуален музыкально-стилистический анализ песенных образцов метропольной традиции Брянской области (Суражский район) по отношению к песенной культуре переселенцев, прибывших в с. Лопазное Сладковского района Тюменской области. Попробуем проследить трансформацию и степень сохранности песенной традиции переселенцев в условиях контакта со старожильческим населением, проживающим на данной территории, а также передачу песенной традиции другому поколению исполнителей. Научный центр народной музыки им. К.В. Квитки Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского предоставил экспедиционные материалы фольклорных образцов Брянской области<sup>2</sup>. К сожалению, при обработке аудиозаписей выяснилось, что фольклористы побывали только в соседних поселениях, но не в деревне Лопазна Суражского района Брянской области.

Зная о схожести формульных напевов, наличии «ядра» песенной культуры в одном территориальном пространстве, контакте населения деревень на общих праздниках и естественно «соборном» (совместном) пении, рассмотрим и сравним песенные образцы деревень Новый Дроков, с. Ляличи, лежащих близ д. Лопазна, записанных в фольклорной экспедиции 70-х годов XX века под рук. Н.М. Савельевой с полевыми аудиозаписями с. Лопазного Сладковского района Тюменской области фольклорных экспедиций 1995, 2014 гг. под руководством Л.В. Деминой [6].

Из экспедиционных материалов проанализируем две пары песен с общими сюжетами, сохранившихся у исполнителей на территории Брянской и Тюменской областей, и выявим в них общие и специфические черты. Рассмотрим весеннюю песню «*Заболел милой, забажал вады*», записанную в д. Новый Дроков Суражского района Брянской области от исполнителей А.В. Ивановой, Н.В. Латынской, П.К. Лынной, Е.З. Спас, и троицкий хоровод «*Ой мой милай забажал вады*», записанный в с. Лопазном Сладковского района Тюменской области от Литвиновой М.П. (1927 г.р.), Пальяновой Т.Ф. (1931 г.р.), Ребеченко В.Д. (1941 г.р.), Черепковой Н.Е. (1932 г.р.).

Анализ схожих песенных образцов на метропольной территории Брянской и у переселенцев Тюменской областей выявил следующие особенности: песня осталась в контексте календарного весенне-летнего цикла, хотя время их исполнения оказалось разным. Так, на Брянщине она предположительно исполнялась на праздник «Красная горка», даже называлась пасхальной, у переселенцев же песня «*Ой мой милай заба-*

<sup>2</sup> Архивный фонд Научного центра народной музыки им. К.В. Квитки Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского [фонограммархив].

жал вады» считалась троичным хороводом; в аудиозаписях зафиксирована вариантность слов песни. У переселенцев можно отметить понижение тональности песни (на квинту вниз), что говорит о непосредственном влиянии на их манеру исполнения старожильского пения. В варианте песни брянщины основой многоголосия является монодийная гетерофония, у переселенцев в с. Лопазном – вариантная гетерофония [7].

Силлабическое стихосложение сохраняется в обоих образцах. Сибирские переселенцы сохранили *акающий* говор («вады») и *якающий* («нясу») говор, кроме того, можно отметить замену звука [ы] на [а] в окончаниях прилагательных («чёрнай»), в окончаниях глаголов 3-го л. смягчается конечное [т] («ляжить»), наблюдается замена в начале существительных губно-зубного [в] на губно-губной [w] – «вады» на «/у/ады», что влияет на мягкую артикуляцию с полуоткрытым ртом, мягкую атаку звука, а для песенниц же в Брянской области характерна четкая и яркая артикуляция. В напеве из исполнительских штрихов у переселенцев остались мелизматика, глиссандирование, но яркое скандирование текста и активный сброс дыхания, характерный для брянских исполнителей, пропал (см. примеры 1, 2).

Пример 1

### Ой, милай забажал воды

$\text{♩} = 114$

ой, ли, ой, лю-ли й, за-ба-жал ва-ды.

1. Ой, ми-лай за-ба-жал ва-ды, ой, ли, ой, лю-ли (й), за-ба-жал ва-ды.

ой, ли, ой, лю-ли, с(ы) Ду-най ря-ки.

За-ба-жа-л(ы)ва-ды с(ы) Ду-на-й ря-ки ой, ли, ой, лю-ли, с(ы) Ду-най ря-ки.

Второй парой песенных образцов послужили весенняя песня «Я(й) не спала, не дремала маладая», записанная в с. Ляличи Суражского района Брянской области от исполнителей И.Г. Гамаздо, М.З. Рябовой, Л.Я. Бондаревой, М.Г. Заборы<sup>3</sup>, и лирическая песня «Ой ни спала, ни дремала маладая» с. Лопазного Сладковского района Тюменской области.

<sup>3</sup> Запись вели Л. Головачева, О. Седельникова, А. Беляева под руководством Н.М. Савельевой в 1970 году; расшифровала Я.О. Севастьянович в 2015 году.

## Пример 2

## Заболел милой, забажал (у)ады

♩ = 98

Музыкальный пример 2 представляет собой фрагмент песни в тональности D major (два диэза). Темп обозначен как ♩ = 98. Музыка записана на двух системах. Каждая система состоит из мелодической линии (верхняя часть) и аккомпанемента (нижняя часть). Под мелодией даны русские тексты: «За - ба - лел ми - лой, за - ба - жал (у)а - ды, ой, ли ой, лю - ли за - ба - жал ва - ды. Да те - я во - ды, тры чо - сы ха - ды, ой, ли ой, лю - ли, тры чо - сы ха - ды.»

Анализ этих песен выявил следующие особенности: весенняя песня трансформировалась в лирическую протяжную, исчезли гукания «У!», что является характерным признаком жанра весенних песен и характерным приемом западнорусской традиции. У сибирских переселенцев не сохранился плавный переход (характерный для западнорусской традиции) одной гласной в другую: «Я/й/ не спала, я не спала, не дрема(о)-ла, малада/й/я(о)». Говор остается *акающим* («сакалочка»), наблюдается замена в окончаниях прилагательных звука [ы] на звук [а] («белай»), замена в середине существительных губно-зубного [в] на губно-губной [w] («вдовка» на «вдоука»), сохранение в исполнении переселенцев протезы («зрукавочка»), сохранность произнесения в безударных слогах открытого [а] вместо [о]: «маладая», утрата в исполнении сибирских переселенцев фрикативного «h»: «Не дрема/о/ло/h/а». Сохранилось силлабическое стихосложение, но «бурдонное» многоголосие в первоисточниках изменилось у сибирских переселенцев на вариантную гетерофонию. Под влиянием старожильской песенной культуры артикуляция, манера исполнения новопоселенцев постепенно менялись: темп у песен стал медленнее, твердая атака звука перешла в более мягкую (см. примеры 3, 4).

## Пример 3

## Ой, ни спала, ни дремала

♩ = 90

Музыкальный пример 3 представляет собой фрагмент песни в тональности D minor (два бемоля). Темп обозначен как ♩ = 90. Музыка записана на двух системах. Каждая система состоит из мелодической линии (верхняя часть) и аккомпанемента (нижняя часть). Под мелодией даны русские тексты: «1. Ой, ни спа - ла, ни дре - ма - ла ма - ла - да - - - я. 2. Ма - ла - да - я, як спод бе - ла - ю бе - ре - зой ку - жа - л(и) пря - ла.»

## Пример 4

## Яй не спала, не дремала

Музыкальный пример 4. Темп: ♩ = 60. Лейбл: G (одна бемоль).  
 Я - й не спа - ла - (h)а, я не спа - ла, не дре - ма(о) - ла,  
 ма - ла - да - я(о), у - нй!

Выявление основных признаков и особенностей песенной культуры с. Лопазного Сладковского района Тюменской области говорит о специфичности традиционной песенной культуры этого села. Сохранность ладовой структуры песен, вокальных штрихов говорит о наличии устойчивых черт традиционной песенной культуры в процесс ассимиляции. Наблюдается и характерная для Западной Сибири тенденция трансформации культурных элементов. А именно: изменения песенной манеры исполнения, вбирание в диалектику *новоселов* слов, характерных для *старожилов*, угасание обрядовых жанров песенной культуры.

Выявление сохранения и трансформации характерных признаков западнорусской традиции на примере песенной культуры Брянской области и ее изменение под влиянием старожильческой культуры на территории Сладковского района Тюменской области говорит о формировании специфического стиля исполнительства в песенном творчестве переселенцев. Изучение и освоение региональной песенной культуры новопоселенцев должно быть комплексным и является важнейшей составляющей современного этномызыкального знания. Анализ народно-песенной культуры должен включать изучение диалектных особенностей, оказывающих влияние на исполнительскую манеру переселенцев. Черниговские переселенцы сами называли себя «*хахлами*», но, попав в русскую среду, во втором поколении говорили уже по-русски, практически без характерных украинизмов. По воспоминаниям исполнителей, молодежь старалась среди своих сверстников-сибиряков (носителей русского языка) говорить по-русски.

Исследование в области народно-певческой культуры переселенцев из Европейской России дает возможность выявить особенности и специфику западнорусской песенной традиционной культуры на территории юга Тюменской области. Комплексный подход в изучении традиционной песенной культуры переселенцев помогает дать целостное представление о региональной новопоселенческой культуре Западно-Сибирского Зауралья.

## Литература

- Музыкальная культура Сибири: в 3 т. Традиционная музыкальная культура народов Сибири. Кн. 2. Традиционная культура сибирских переселенцев. Новосибирск, 1997. Т. 1. 157 с.
- Полевые материалы экспедиций автора в Сладковском районе Тюменской области, 1995-2014 гг. [аудиозаписи хранятся в личном архиве собирателя].
- Малышев В.Н. Земля Сладковская. Тюмень: Вектор Бук, 2008. 344 с.
- Лопазна / Брянский край. URL: <http://www.kray32.ru/suragskiy002.html> (дата обращения: 01.11.2020)
- Крутова Е.О. Традиционная песенная культура д. Лопазное Сладковского района Тюменской области / Е.О. Крутова; науч. рук. Л.В. Демина. Тюмень: Тюменский колледж искусств, 1993 г. 35 с.



6. Традиционный фольклор Тюменской области: репертуарный сборник / автор-составитель Л.В. Демина. Тюмень: Титул, 2013. 164 с.

7. Демина Л.В. Фольклор юга Тюменской области: старожилы, новопоселенцы: сборник (материалы по региональному фольклору). Тюмень: Титул, 2014. 240 с.: 4 ил.

**The Folk Song Tradition of Western Russian Settlers in the Conditions of Traditional Cultures of Late Formation (On the Example of the South of Tyumen Oblast)**

*Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South*, 2020, 4 (79), 43-52.  
DOI: 10.24412/2070-075X-2020-4-43-52

*Lilia V. Demina*, Tyumen State Institute of Culture (Tyumen, Russian Federation). E-mail: ldemina@yandex.ru

**Keywords:** folk song culture, Western Russian tradition, late settlers, folklore expeditions, song traditions.

One of the most important tasks of modern ethnomusicology is the study of regional versions of folk song cultures. The aim of this article is to study the transformation of the original folklore traditions of European Russia in the conditions of the traditional cultures of settlers' new localization. Song folklore was most actively and systematically collected and studied on the territory of the West Siberian Trans-Urals in the late 20th and early 21st centuries. The object of research in this article is the local folk song tradition of the late settlers of the Lopaznoe village (Sladkovsky District, Tyumen Oblast), who arrived from Bryansk and Chernigov provinces in the second half of the 19th century. The research uses comparative historical and structural typological methods, as well as folklore analysis and the method of overt observation. The dialect speech of the late settlers, which affects the style of traditional song performance, is analyzed. The set of song genres that make up the core of the folk singing tradition in Lopaznoe is revealed: calendar and wedding songs, timed for rituals; song and game folklore and lyrical folk songs, not timed for rituals. The music and style of the song samples of the metropolitan traditions of Bryansk Oblast (Surazhsky District) were analyzed in relation to the song culture of the Lopaznoe settlers. The identified main characteristics and features of the song culture of Lopaznoe tell about the specificity of the traditional song culture of this village. Lopaznoe songs preserved the versification, tonality structure, and vocal elements of songs of the Western Russian tradition, which indicates stable features of the traditional song culture in the assimilation. Some cultural elements are transformed under the influence of the old-timers' song culture, which indicates the formation of a new style of performance in the songs of the new settlers. The analysis of the folk song culture of settlers from Chernihiv and Bryansk who came to live among Russian old-timers included the study of dialect features, which revealed the preservation of the akanye and yakanye dialect, and its influence on the soft manner of song performance. The traditional song culture was considered, on the one hand, from the viewpoint of its representatives, thus reflecting their ideas about the tradition, and, on the other, from the viewpoint of researchers. Research in the field of the folk singing culture of settlers from European Russia made it possible to identify the features and specifics of the Western Russian song culture in the south of Tyumen Oblast.

### References

1. Shindin, B.A. (ed.) (1997) *Muzykal'naya kul'tura Sibiri: v 3 t.* [Musical Culture of Siberia: In 3 Volumes]. Vol. 1. Book 2. Novosibirsk: Glinka Novosibirsk State Conservatory.

2. Demina, L.V. (1995–2014) Personal Archive. *Polevye materialy ekspeditsiy avtora v Sladkovskom rayone Tyumenskoy oblasti* [Field Materials of the Author's Expeditions in Sladkovsky District of Tyumen Oblast]. [Audio Recordings].

3. Malyshev, V.N. (2008) *Zemlya Sladkovskaya* [The Sladkovskaya Land]. Tyumen: Vektor Buk.

4. Bryanskiy Kray. (2020) *Lopazna* [Lopazna Settlement]. [Online] Available from: <http://www.kray32.ru/suragskiy002.html> (Accessed: 01.11.2020).
5. Krutova, E.O. (1993) *Traditsionnaya pesennaya kul'tura d. Lopaznoe Sladkovskogo rayona Tyumenskoj oblasti* [Traditional Song Culture of the Lopaznoe Village, Sladkovsky District of Tyumen Oblast]. Tyumen: Tyumen College of Arts.
6. Demina, L.V. (2013) *Traditsionnyy fol'klor Tyumenskoj oblasti: repertuarnyy sbornik* [Traditional Folklore of Tyumen Oblast: A Repertoire Collection]. Tyumen: Titul.
7. Demina, L.V. (2014) *Fol'klor yuga Tyumenskoj oblasti: starozhily, novoposelentsy: sbornik (materialy po regional'nomu fol'kloru)* [Folklore of the South of Tyumen Oblast: Old-Timers, New Settlers: A Collection (Materials on Regional Folklore)]. Tyumen: Titul.

УДК 7.036.7

DOI: 10.24412/2070-075X-2020-4-52-67

**М.И. Боровская**

**В.М. ЮСТИЦКИЙ КАК ГРАФИК:  
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ  
(НА МАТЕРИАЛЕ ИЛЛЮСТРАЦИЙ К СКАЗКЕ В. БУША)**

*В статье впервые исследованы особенности визуальной трактовки русским художником В.М. Юстицким (1894–1951) немецкой литературной сказки В. Буша «Храбрая мельникова дочь» (1868). С помощью формально-иконологического метода, систематизации посредством таблицы, через сопоставление десяти исследуемых рисунков 1924 г. с иллюстрациями к сказке самого Буша выявлено, что Юстицкий был знаком с картинками предшественника и их творчески переосмыслил. Решая новую художественную задачу, он перевел конкретную «историю» Буша во вневременной контекст, создав смешные, поучительные и актуальные для своего времени картинки. Изученная серия позволяет также обозначить направление стилистических поисков в его графике.*

Ключевые слова: В.М. Юстицкий, В. Буш, «Страшная ночь, или Храбрая мельникова дочь», сказка в стихах, книжная графика, иллюстративная серия, творческий метод, художественные средства, Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева.

Художественные поиски деятелей искусства 1920-х годов ныне привлекают культурную общественность все больше, о чем свидетельствуют выставки, фильмы, стремительно растущий интернет-контент. Столетие назад свобода выражения позиции, обращения к материалам прошлого с целью новых интерпретаций, актуализации, как и ныне, вдохновляли российских художников, а стремление участвовать в построении советской жизни, скорой ликвидации безграмотности активно обращало к книжной графике.

Феномен 1920-х годов притягивает также искусствоведов, множатся статьи, диссертации, монографии, но до исчерпания проблемы далеко, о чем свидетельствует и «феномен в феномене» – творчество В.М. Юстицкого (1894–1951)<sup>1</sup>.

Степень изученности его художественного наследия, особенно графики, невелика. Можно назвать каталог выставки 1984 г., впервые систематизировавший наследие

---

<sup>1</sup> Юстицкий Валентин Михайлович – живописец, график, сценограф, художник книги, скульптор, монументалист. Активный участник московской и саратовской художественной жизни 1910-х – 1930-х годов. С 1918 по 1935 год жил в Саратове, работал творчески и преподавал. В 1937-м был репрессирован. Вернулся в Саратов в 1946 году и здесь провел свои последние годы.